

Глава 1

— ... Если вы хотите оставить сообщение, говорите после звукового сигнала. Если вы хотите послать факс, начинайте передачу...

Люба швырнула трубку на рычаг и глубоко вздохнула, пытаясь удержать рвущиеся наружу слезы. На протяжении нескольких месяцев она слышит этот холодный равнодушный голос, предлагающий ей оставить свое сообщение на автоответчике.

— Ну как? — сочувственно спросил ее симпатичный капитан, который полчаса назад сжалился над Любой и пустил ее в помещение отдела милиции аэропорта Шереметьево-2 позвонить. — Опять никто не подошел?

— Опять, — кивнула она, отворачиваясь, чтобы он не увидел, как она изо всех сил старается не заплакать.

— Позвоните еще кому-нибудь, — посоветовал милиционер. — Неужели больше некому вас встретить?

Некому. Она хотела, чтобы ее встретил именно Стрельников. А его нет. Все мучительно долгие месяцы, проведенные в Турции, она пыталась связаться с ним, покупала на сэкономленные гроши телефонные карточки и звонила в Москву, но вместо голоса живого Стрельникова слышала только

автоответчик, который съедал драгоценные секунды, оплаченные карточкой. Три дня назад она, отчаявшись, все-таки оставила ему сообщение с датой и номером рейса и просьбой встретить ее в аэропорту. Говорила о том, как соскучилась и ждет встречи с ним. Говорила еще какие-то ласковые необязательные слова, пока автомат не запищал, возвещая об окончании оплаченного времени. Ей хотелось, чтобы Стрельников приехал за ней в Шереметьево с легким сердцем, не опасаясь сцен и упреков с ее стороны. Но он не приехал. И телефон его не отвечал.

Она набрала телефон Милы, близкой подруги. Впрочем, теперь вряд ли Мила может считаться близкой. Просто приятельница. После того как она бросила Любу в Турции одну... Хотя стоит ли ее за это осуждать? В болото неприятностей они попали вместе, и вины их в том не было, была только глупость и неоправданная доверчивость, а уж выбирать должен был каждый самостоятельно в меру собственных способностей. Мила выбралась быстрее, ибо способностей у нее оказалось больше. Разве можно ее винить за это? Она улетела в Москву еще в начале июня, а Люба застряла до октября.

У Милы тоже никто не подошел к телефону. Как же добираться до города? Денег у Любы — ни копейки. Хозяин, у которого она работала весь курортный сезон, предоставил ей угол в своем доме и скудную кормежку, а работала у него Люба только за билет до Москвы и визовый взнос. Наличные у нее не водились, и ей приходилось изредка просить хозяина дать ей два-три доллара вместо ужина или обеда. На эти доллары она и покупала телефонную карточку. Чувство голода стало постоянным и привычным, официанты и повара в ресторане, где она работала, готовы были подкормить ее,

но не безвозмездно. Это Любу не устраивало, она же не Мила. Милка привыкла все проблемы решать через постель, потому и улетела в Москву уже в начале лета. Ничего не боится, отчаянная, рисковая. А Люба боится, да и вообще не по ней это. Смуглые волосатые турки вызывали у нее отвращение, преодолеть которое она не могла даже ради возвращения домой.

— Выпейте чаю, — предложил ей милиционер по имени Георгий, ставя перед Любой чашку с дымящимся напитком и коробку с сахаром.

— Спасибо, — благодарно пробормотала она, отпивая горячий чай. — Можно я еще позвоню?

— Конечно, звоните, — улыбнулся Георгий. — Вам же нужно отсюда уезжать так или иначе. Сидите спокойно и дозванивайтесь, не обращайтесь на меня внимания.

Люба набрала телефон Леонтьевых. Геннадий Леонтьев был одним из заместителей Стрельникова и его близким другом. Он должен знать, где разыскать Володю. Но и тут ее ждала неудача. Кроме длинных гудков, Люба не услышала ничего приятного. Оставался Слава Томчак, тоже заместитель и друг. Последняя надежда. Если и до него не удастся дозвониться, то тогда вообще непонятно, что делать дальше.

— Алло! — послышался в трубке знакомый голос Ларисы Томчак, Сластиной жены.

— Лара, это я, Люба, — сдавленным голосом произнесла она.

— Люба... — недоуменно повторила Лариса и вдруг спохватилась. — Господи, Любочка, ты вернулась! Когда? Где ты?

— Я в Шереметьеве, в отделении милиции.

— Почему в милиции? С тобой что-то случилось? — обеспокоенно спросила Томчак.

— Нет, просто у меня нет денег на телефон, и мне разрешили отсюда позвонить. Где Стрельников?

В трубке повисло тяжелое молчание.

— Он... Он в отъезде. Он должен был тебя встречать?

— Да, наверное. Во всяком случае, я просила его об этом.

— Любаша, никуда не уезжай, я сейчас за тобой приеду. Жди меня через сорок минут под табло прилета. Поняла?

— Значит, Володя меня не встретит? — зачем-то безнадежно переспросила Люба, прекрасно понимая, что, конечно, не встретит, раз он в отъезде. Наверное, он и сообщение ее не получил, его, вероятно, уже не было в Москве, когда она звонила в последний раз.

— Я тебя встречу. Все, Любочка, я выезжаю. Через сорок минут под табло.

Люба допила чай и вежливо поблагодарила добросердечного милиционера за гостеприимство.

— Дозвонились наконец? — улыбнулся Георгий.

— Да, спасибо.

— Можно вопрос?

— Пожалуйста.

— У вас есть родители?

— Конечно.

— Они здесь, в Москве?

— Да.

— А почему вы им не позвонили? Обычно в таких случаях звонят в первую очередь домой.

Почему... Потому что. Разве может она показаться на глаза маме с папой в таком виде? Она уезжала из Москвы по приглашению турецкой фирмы, специализирующейся на строительстве оте-

лей. Предполагалось, что они с Милой, закончившие колледж гостиничного и ресторанного хозяйства и имеющие сертификаты гостиничных менеджеров, будут стажироваться в Турции, в одном из крупных курортных отелей, набираться опыта. С турецкими строителями они познакомились в Москве, и те пообещали им хорошую работу в одном из крупных курортных городов Турции — Бодруме, Измире, Кемере или Анталии. Ссылались на наличие множества друзей и связей. Это звучало очень убедительно, ведь они строили эти самые отели для отдыхающих со всего мира. И вели они себя прилично, лапы не протягивали и ни на что не намекали. Просто дружеское отношение и желание помочь в приобретении опыта работы в отелях международного класса.

— Денег с собой не берите, — предупреждали строители, — они вам не понадобятся. Только на первые два-три дня, пока мы будем решать организационные вопросы. Потом приступите к работе и сразу получите аванс. Оклад отель-менеджера — около двух тысяч долларов, так что если вы проработаете сезон, то вам на все хватит. И покушать, и золотом обвешаться, и в кожу и меха закутаться, еще и домой привезете.

Перспектива была заманчивой, и девушки купили билеты на самолет до Анталии, куда прилетели в апреле, как раз к началу курортного сезона, имея при себе по пятьдесят долларов. После покупки билета и шмоток, необходимых для жизни и работы в сорокаградусную жару, денег у них осталось совсем мало. Можно было, конечно, подзаянть у того же Стрельникова, но зачем влезать в долги, если строители сказали, что деньги не нужны. Кто же знал, что все так обернется?

За эти месяцы Люба несколько раз звонила

домой, родителям, и веселым голосом рассказывала им, что у нее все хорошо, просто отлично, прекрасная работа и все идет как надо. Она просто не могла признаться им, в каком аду живет. Тем более что осторожная мама неоднократно пыталась отговорить ее от поездки, а более прямолинейный отец высказывался жестко и совершенно недвусмысленно. «Бесплатным бывает только сыр в мышеловке. Что это еще за благодетели такие? Ты уверена, что им можно доверять?» Люба была уверена, что можно. И признаться родителям теперь, что они оказались правы, у нее язык не поворачивался. Да и вообще, узнай они, как обстоят дела на самом деле, они бы с ума сошли от ужаса. Люба должна вернуться домой с чемоданом подарков и покупок и хоть какими-то деньгами в кармане. А не так, как сейчас: без копейки и с той же самой сумкой, с которой улетала полгода назад и в которой не лежит ни одной новой вещи. И ни одного подарка, кроме двух крошечных, оправленных в серебро синих талисманов от сглаза, которым цена полушка в базарный день и которые ей подарили хозяева сувенирных магазинов просто за красивые глаза, еще в те первые дни, когда они с Милой только-только приехали, бегали по городу с горящими от возбуждения глазами и тарасились на яркие витрины магазинов. Их принимали за отдыхающих и дарили талисманы в надежде, что они вернутся в эти магазины за подарками для родных и друзей. Они не вернулись.

Люба вышла в зал прилета и принялась бесцельно бродить, то и дело поглядывая на часы в ожидании Ларисы. Каждые пять минут громкоговоритель возвещал о прибытии рейсов, и толпы встречающих кидались к стойкам таможенного контроля. Им навстречу выходили улыбающиеся пассажиры, кто-то кому-то махал рукой, кто-то

поднимал над головой плакат с фамилией прилетевшего или с названием своей фирмы. Всех встречали. Всех ждали. Только не ее, Любу Сергиенко. Слезы снова потекли из глаз, и она поплелась в сторону туалетов, чтобы умыться. Нагнувшись над раковиной и набрав в ладони холодной воды, она вдруг не удержалась и расплакалась громко, горько, навзрыд. В первый раз за все полгода она не справилась с собой и зарыдала. Ей в одну секунду припомнилось все: отчаяние, унижение, голод, неудобная постель в душевой комнате без кондиционера, постоянное безденежье, стыд. Ей вспомнилось, как она сидела в аэропорту Анталии. Рейс дважды откладывали, сначала на шесть часов, потом еще на тринадцать. Деваться было некуда, все пассажиры уже прошли паспортный контроль и выйти в город не имели права. Все места в бистро и баре были заняты отъезжающими с отложенных рейсов, люди сидели на полу, пристроиться было негде. И ужасно хотелось есть. А денег не было. Но Любе тогда казалось, что все это ерунда, потому что в Москве ее ждет Стрельников. Кончился кошмар, кончилась унижительная работа, она наконец летит домой. Ради этого можно и потерпеть. Сидя на корточках в уголке в душном переполненном аэропорту, она закрывала глаза и представляла себе Володино лицо, его улыбку, его распахнутые и протянутые ей навстречу руки. Он ждет ее, он скучает без нее...

Но оказалось, что ее никто не ждет.

* * *

Лариса Томчак вела машину легко и уверенно. Всю дорогу она молчала, но Люба почти не обращала на это внимания, ей и самой не хотелось разговаривать. Ей хотелось только одного: заснуть,

проснуться и обнаружить, что последние полгода ей просто приснились. Она никуда не уезжала, ничего этого не было, за окном тихое прохладное московское утро, будильник показывает четверть восьмого, рядом с ней крепко спит Володя Стрельников, и сейчас она встанет, чтобы приготовить ему завтрак.

Дома Лариса первым делом отправила Любу в душ и занялась приготовлением обеда.

— А где Слава? — спросила Люба. — Неужели на работе? Сегодня же воскресенье. Опять Стрельников его вместо себя оставил вкалывать?

Лариса бросила на нее какой-то странный взгляд.

— Иди мойся. Потом поговорим.

Несмотря на голод, Любе кусок в горло не шел. Ей вдруг стало казаться, что она непременно подавится и умрет. С ней такое случалось, хотя и нечасто. Еще в раннем детстве страх перед едой возник у нее при нервных перегрузках — перед контрольными, которых она ужасно боялась, перед экзаменами, потом, в юности, — во время ссор с юношами или на почве любовных переживаний. Обыкновенный невроз.

Она решительно отставила тарелку и залпом выпила стакан минеральной воды.

— Почему ты не ешь? Невкусно?

— Вкусно. Спасибо, Лара, я уже сыта. Теперь объясни мне наконец, что все это значит? Что происходит?

— Любаша, мне придется сказать тебе неприятные вещи. Соберись с духом, пожалуйста.

— Мне не с чем собираться, — усмехнулась Люба, — вся сила духа оказалась растроченной под знойным солнцем турецкого рая. Не надо меня шадить. Все плохое, что могло случиться со мной,

уже случилось. Так где мой Стрельников? Куда подевался?

— Он уехал на две недели в Испанию, в Коста-Браво.

— По делам Фонда?

— Нет, отдохнуть.

— Что, сильно утомился? — скептически осведомилась Люба.

— У него медовый месяц.

— Как ты сказала?

Люба решила, что ослышалась. Какой медовый месяц? Стрельников женат больше двадцати лет. Последние два года он прожил с ней, Любой Сергиенко, уйдя от жены и купив себе квартиру. Накануне ее отъезда в Турцию речь шла о том, что он в ближайшее же время оформит развод, и после возвращения Любы они поженятся. Так какой же может быть медовый месяц? С кем? С женой Аллой?

— Я сказала, что у Стрельникова медовый месяц, — отчетливо повторила Лариса Томчак.

— С кем? — пересохшими губами спросила Люба.

— С твоей подружкой Людмилой.

— Нет!

«Уснуть, проснуться и обнаружить, что этого нет...»

— Да. Я тебя предупреждала, что ты услышишь неприятные вещи.

— Значит, он все-таки развелся?

— Еще чего! — фыркнула Томчак. — Будет он напрягаться. Официально он все еще в браке с Аллой. А с Милой он обвенчался в церкви.

— Бред, бред... — прошептала Люба. — Я больна, у меня высокая температура, и все это мне придалось в бреду. Этого не может быть.

Лариса встала из-за стола, подошла к ней, об-

няла за плечи, положила прохладную ладонь на ее пылающий лоб.

— Любочка, девочка моя, ты должна это пережить, как бы больно это ни было. И мы с Томчаком, и Леонтьевы с этим не смирились. Я понимаю, тебя это не может утешить, но я хочу, чтобы ты знала: Стрельникова с Милой мы в своих домах не принимаем. Мы все тебя любим, и у нас за тебя душа болит. Но руководить его поступками мы не можем. Это не в наших силах.

Люба прикрыла глаза и откинулась назад, прижавшись затылком к мягкой груди Ларисы.

— Как это случилось?

— Мила вернулась в июне и сразу помчалась к Стрельникову. Якобы рассказывать, как у тебя дела, и передать от тебя письмо. Ты писала ему письмо?

— Да. И просила Милу его передать.

— Ну вот. Ты сама и устроила их встречу. Уж не знаю, как у них там все вышло, но только в июле она уже присутствовала на банкете, куда были приглашены руководители Фонда с женами. Мы с Томчаком, Гена Леонтьев с Анютой, а Володя — с твоей подругой. Мы ведь даже не знали, что Мила — твоя подруга. Просто увидели рядом с ним эффектную блондинку и решили, что он пригласил совершенно случайную девицу себе в пару. Тебя нет, а с Аллой он отношения не поддерживает. Привел ее, чтобы не вызывать у организаторов банкета лишних вопросов. Мы даже значения этому не придали. А в августе, когда Гена Леонтьев отмечал сорокапятилетие, Володя сказал, что придет с Милой. Тогда и вскрылось. Короче говоря, окрутила она его в момент. Любаша, хоть ты мне объясни, что у вас там произошло. Почему вы уехали вместе, а вернулись порознь? Почему ты там

застряла? Мы, честно признаться, решили, что у тебя сделался роман с каким-нибудь богатым турком, ты осталась в Турции, а Мила рассказала об этом Стрельникову. Тогда все более или менее понятно. Это так?

— Нет, Лара. Это все не так...

* * *

... Первые пять дней прошли в восторженном угаре. Курортные районы Турции действительно райские места, а уж в апреле, когда еще нет изнуряющей жары, — особенно. Девушки с наслаждением разглядывали выставленные в витринах золотые изделия, приценивались, и в свете будущей зарплаты в две тысячи долларов кольцо, браслеты и серьги казались им до смешного недорогими. Они заходили в каждый магазин, где продавались кожа и мех, мерили пальто, шубы, куртки и выбирали модели, которые непременно купят, как только заработают деньги. Отбоя от предложений выпить чашечку кофе бесплатно не было, хозяева магазинов, ресторанов и баров им улыбались и зазывали к себе, и жизнь казалась радужной и прекрасной. Пригласившие их фирмачи каждый вечер рассказывали о том, где и с кем они говорили насчет работы для девушек и кто и что им обещал. Однако прошло пять дней, потом десять, а с работой ничего не получалось. Денег не осталось совсем, хотя тратили они их очень осторожно, только на еду и то весьма скромно, даже лишний раз кофе выпить не решались. На одиннадцатый день строители объявили им, что ничего не получается. Единственная работа, которую они сумели для них найти, — массажистками в отеле. Выбора не было, купить билет до Москвы им было не на что, и девуш-

ки согласились. Обе они в свое время закончили курсы массажистов. Собственно, на этих курсах они и познакомились, подружились, а уж потом вместе решили учиться в гостиничном колледже.

Строители отвезли их куда-то между Сиде и Манавгатом. Через два дня хозяин отеля, свободно говоривший по-английски и по-немецки, пригласил их поужинать и высказал свое предложение по-деловому просто и без обиняков. Однако и не обиделся, услышав в ответ мягкое вежливое «нет». Любе казалось, что вопрос тем самым был исчерпан раз и навсегда. До середины мая девушки вкалывали как проклятые, массируя спины, животы, бока, ноги, покрытые бронзовым загаром и пахнущие соленой средиземноморской водой. Апрельские гости отеля были в основном из Германии и Норвегии, к середине мая стали появляться русские. Соотечественники охотно вступали в разговоры с хорошенькими массажистками, спрашивали о порядках в отеле, интересовались, много ли девушки здесь зарабатывают. Услышав ответ, презрительно фыркали. Стоило ли уезжать за границу, чтобы ломаться за такие гроши.

— Зато мы весь сезон на курорте, — весело отвечала Люба. — И бесплатно. А вы — только две недели.

Разумеется, ей не было весело, и работу свою она вовсе не считала пребыванием на курорте. Рабочий день — с девяти утра до девяти вечера и без выходных. Четырехзвездный отель должен обеспечивать своим гостям услуги в любое время. Но не рассказывать же этим довольным жизнью отдыхающим о своих бедах. Люба терпеть не могла, когда ее жалели и считали несчастной или неудачницей.

По прошествии месяца подошло время получать первую зарплату — обещанные владельцем

отеля сто пятьдесят долларов. И тут Любу настиг очередной удар. Хозяин заявил, что дела у отеля идут плохо, гостей намного меньше, чем ожидалось, и платить массажисткам ему нечем. Пусть работают еще месяц, потом, если дела пойдут хорошо, он заплатит за весь период работы.

Девушки устроили скандал, кричали, плакали, умоляли. Владелец велел им прийти на следующий день после обеда, он подумает, что можно сделать.

— Он нас дурит, — зло говорила Люба. — Даже если мы останемся еще на месяц, нет гарантий, что он нам заплатит. Он так и будет кормить нас «завтраками».

Мила угрюмо молчала. Они оказались в абсолютно бесправном положении. Туристическая виза, которую они получили за десять долларов, прилетев в Анталию, действительна всего месяц, и месяц этот истек две недели назад. Теперь, чтобы иметь право хоть на что-нибудь, нужно получать новую визу, которая стоит уже намного дороже. Они не могут обратиться в полицию, чтобы выколлотить деньги из хозяина, потому что у них нет права работать в Турции. Они не могут вообще ничего.

На следующее утро они снова вышли на работу. Люба решила, что это правильно: не нужно злить хозяина. Если прогулять, он, может быть, и заплатит обещанные деньги, но на второй месяц их не оставит. До обеда Люба успела обслужить пять человек, закрыла массажный кабинет и постучала в соседнюю дверь, за которой работала Мила. Пора было идти к хозяину. Дверь оказалась запертой. Люба несколько раз подергала за ручку и на всякий случай громко позвала подругу. Она знала ее характер и потому была уверена, что Мила занимается не только оздоровительным массажем. Но по

царящей за дверью тишине стало понятно, что Милы там нет.

Люба поднялась в офис к хозяину. Сидевшая в приемной секретарша бросила на нее сочувственный и какой-то сальный взгляд, от которого Любе стало не по себе.

— Шефа нет, — сообщила она, и Любе показалось, что она с трудом сдерживает гадкую ухмылку.

— А когда будет?

— Завтра.

— Но он назначил нам прийти сегодня. Он должен заплатить нам за работу.

— Он уже заплатил, — сообщила секретарша и все-таки ухмыльнулась.

Люба опрометью бросилась в ближайшую деревню, где они с Милой снимали комнату. Ворвавшись в дом, она сразу увидела подругу, складывающую в сумку свои вещи.

— Заплатил? — запыхавшись, радостно спросила Люба.

Мила подняла на нее холодные голубые глаза, не прекращая своего занятия.

— Мне — да.

— Что значит «тебе — да»? — не поняла Люба. — А мне?

— А тебе — нет.

— Как это? Почему?

— Потому что нечего строить из себя целку-невредимку. Ты что, маленькая? Не понимаешь, как здесь деньги зарабатываются?

Люба в изнеможении присела на стул. Только сейчас она почувствовала, как от бега по полуденной жаре колотится сердце.

— Ты ему дала?

— Милая моя, не «дала», а «давала», весь этот месяц, каждый божий день. За это он мне и запла-

тил. Если бы ты была поумнее, он бы и тебе заплатил. А так — сиди, соси палец.

— Но ведь я работала! — в отчаянии воскликнула Люба. — Я же вкалывала как вол! Думаешь, я не видела ничего? Я в день делала по пятнадцать-двадцать массажей, а ты — максимум пять-шесть, я считала. У нас нагрузка считается общая, но я же работала в три раза больше тебя, потому что ты еще и с клиентами трахалась. Я знаю, мне через стенку все слышно. К тебе в кабинет только мужики ходили, знали, за чем идти.

Мила рывком застегнула «молнию» на сумке и вскинула ремень на плечо.

— Да, я трахалась с клиентами. И с хозяином тоже. И заработала деньги. А ты — нет. Потому что каждый зарабатывает как умеет. В первый же вечер, когда хозяин сделал нам предложение, все могло бы решиться. Если бы ты не была такой дурой и недотрогой, мы бы как сыр в масле катались. Мы обе должны были согласиться, за групповуху он отвалил бы куда больше денег. А если бы мы согласились ложиться под лесбиянок из числа отдыхающих или под дряхлых стариков, мы бы уехали отсюда в бриллиантах с ног до головы. Но только обе, понимаешь? Вместе. Проститутка-одиночка сейчас никакой ценности не имеет, их вон пруд пруди, в том числе и из наших, русских. Сейчас ценится только хорошая группа. А ты со своими идиотскими принципами и сама денег не заработала, и мне не дала. Все, привет.

Она решительно двинулась к двери.

— Куда ты? — беспомощно спросила Люба.

— Куда надо. С такой, как ты, все равно каши не сварить. Буду сама выбираться из этого болота.

Дверь за ней закрылась. Минут через пять Люба спохватилась, что не спросила Милу, заплатила ли

она домохозяйину свою долю за снимаемую комнату. Она выскочила из дома и помчалась к стоянке такси, но было поздно. Турция — не Россия, здесь такси ждать не приходится, они всегда под рукой.

Она все-таки пошла к владельцу отеля на следующий день.

— Если вы заплатили моей подруге, то должны заплатить и мне, — твердо сказала она.

— Твоя подруга работала гораздо лучше, — невозмутимо ответил владелец, — поэтому ей я заплатил. А ты работала плохо. Нагрузка у вас была средняя, не более двадцати пяти человек в день на двоих, вы не особенно надрывались, но к ней ходили постоянные клиенты, а это означает, что им нравилось, как она работает. Раз нравилось клиентам, значит, нравилось мне. Это принцип работы нашего отеля.

— Из этих двадцати пяти массажей двадцать делала я, — пыталась убедить его Люба, — а Мила — только пять. Это несправедливо. Вы должны заплатить за мою работу. В конце концов тот факт, что к Миле ходили постоянные клиенты — это в немалой степени и моя заслуга. Я вкалывала без продыха, чтобы клиенты не ждали в очереди, потому что Мила делала массаж очень долго. Слишком долго. Вы не можете не понимать, с чем это связано. Если бы я работала так же медленно и с перерывами, как она, гостям пришлось бы ждать под дверью, и они наверняка пришли бы к вам жаловаться. Но они ведь не жаловались, верно? Значит, я тоже работала хорошо. И вы должны мне заплатить за месяц работы.

— Ничего не знаю, — отмахнулся турок. — Я с самого начала предупреждал, что нагрузка считается на весь массажный кабинет в целом, а не на каждую массажистку в отдельности. Разбирайтесь

между собой сами. Это ваши проблемы. Я дал деньги твоей подруге, пусть она с тобой поделится.

Люба исчерпала запас вежливого красноречия и сдалась. Она поняла, что если хозяин платить не хочет, а он именно не хочет, то сделать с этим она ничего не сможет. Она здесь бесправное существо, живущее без визы, без денег и без разрешения на работу.

Оказалось, что и за комнату Мила свою долю не заплатила. К счастью, домохозяин был жалостливым человеком и согласился поверить Любе на слово, что она обязательно заплатит, когда сможет. Через пару дней Люба поняла, что так продолжаться не может. Денег взять негде. Пришлось снова идти к домохозяину. Тот подумал немного и предложил ей работать в его магазине за угол и еду. За пару месяцев, сказал он на плохом немецком, ты свой долг отработаешь.

Работа в магазине трикотажных изделий состояла в том, чтобы зазывать русских покупателей и заниматься ими. Стоять на пороге или сидеть на улице на стульчике и бросаться наперерез каждому русскому, предлагая посмотреть товар. Это было ужасно. Люба знала, что русские покупатели принципиально отличаются от всех других. Немец, норвежец или англичанин никогда не пойдет в магазин, если ему не нужно что-то конкретное. Когда нужно — он идет и покупает. Когда не нужно — сидит в баре и попивает пиво. Русские же, отравленные десятилетиями дефицита и «доставаний», привыкли заходить в магазин на всякий случай, авось что дают. Пусть и ненужное, но дефицитное, которое может пригодиться потом, когда-нибудь. Это осталось в крови, несмотря на то, что в России, по крайней мере в Москве, понятие дефицита уже исчезло из обихода, и в магазинах было все,

что душа пожелает. Русские, которых Любе удавалось зазвать в магазин, придирчиво разглядывали майки, блузки, сарафаны, спортивные костюмы, спрашивали, сколько стоит в долларах и в турецких лирах, просили показать другой цвет или размер и ничего не покупали. Люба судорожно раскрывала пакеты, раскладывала изделия на столе, расхваливая их качество, торопливо рылась на полках, отыскивая то, что они просили, твердо зная при этом, что ничего не выйдет. Они просто валяют дурака, получая удовольствие от того, что с ними так носятся.

В начале июня вдруг объявилась Мила, увешанная золотыми цепями и браслетами, лоснящаяся довольством и еще больше постройневшая. Люба не сомневалась, что стройность эта приобретена в результате систематических физических упражнений «верхом на партнере».

— Я уезжаю, — объявила она. — Просьбы, поручения?

Люба быстро набросала коротенькое письмо Стрельникову, сложила в конверт и приписала сверху номера телефонов — домашнего и в офисе.

— Больше ничего? — удивленно спросила Мила.

— Больше ничего. Как видишь, похвастаться мне пока нечем, так что сообщать о себе мне нечего. А родителям я и так звоню.

— Ну как знаешь, — пожала плечами подруга.

К концу июля владелец дома и магазина наконец заявил, что Люба больше ничего ему не должна и может считать себя свободной. К этому времени она успела познакомиться с двумя молодыми казаками, которые учились в Турции, а летом подрабатывали точно так же, как она, в магазинах. Один — в ювелирном, другой — в меховом. Это были веселые бойкие парни, не стеснявшиеся сво-

ей работы и, казалось, не чувствовавшие себя униженными. Они объяснили Любе ее первоначальную ошибку: не нужно было соглашаться на оплату работы ежемесячно, нужно было требовать, чтобы владелец отеля платил за каждый день работы. Здесь это принято.

Вообще в Турции оказалось множество казахских студентов. Турция заключила договор с Казахстаном о взаимном обмене студентами, и казахские ребята, приехавшие в рамках этого соглашения учиться в Стамбул и Анкару, летом работали в курортной зоне. Все они прилично говорили по-турецки, потому что первый год обучения считался подготовительным и был посвящен полностью изучению языка и литературы. Со знанием языка им было, конечно, намного проще, да и друзьями они здесь обзаводились. Казахские парни и помогли Любе найти другую работу, не такую унижительную и дававшую хоть какую-то перспективу рано или поздно уехать. Это была работа менеджера в ресторане «Дюпон» в Кемере.

Впрочем, слово «менеджер» оказалось, разумеется, эвфемизмом, прикрывающим все ту же работу зазывалой и переводчиком. Ресторан находился на территории комплекса «Марина», что означало «Приморский», и был расположен между огромным пятизвездным отелем «Тюркиз» и пляжем. Хозяин ресторана, окидывая Любу с ног до головы плотоядным взглядом, поставил свои условия. За каждого русского посетителя ей будет начисляться доллар. Кормить ее будут на пятнадцать долларов в день. Плата за жилье — тоже пятнадцать долларов в сутки. Таким образом, чтобы оправдать свое пребывание в «Дюпоне», она должна обеспечить как минимум тридцать клиентов. Все, что получится сверх этого, будет накапливаться до тех пор, пока

не хватит на билет до Москвы и на дополнительный визовый взнос. А это без малого пятьсот долларов. Рабочий день с двенадцати дня до полуночи. Она должна привлекать посетителей в ресторан, помогать им с меню, объяснять, что из чего приготовлено, быть милой и любезной и всеми силами стараться сделать так, чтобы они почувствовали себя в «Дюпоне» уютно и комфортно и обязательно пришли еще раз и привели с собой друзей. И чтобы заказывали много.

Доллар с клиента. Даже чашка кофе стоила два доллара. А стакан свежего апельсинового сока — еще дороже. Если питаться на пятнадцать долларов в сутки, ожирение тебе не грозит. Порция рыбы с гарниром — двенадцать долларов, мясо, конечно, дешевле, еще два доллара — простой овощной салат из помидоров, огурцов и лука с оливковым маслом.

В ресторан заходили довольные жизнью загорелые курортники в еще не просохших после купания плавках и купальниках. Такие же москвичи, как и сама Люба, они казались ей существами с другой планеты. Она бросалась к ним, приглашая посетить ресторан, предлагая свою помощь в выборе и заказе блюд, но частенько наталкивалась на высокомерный взгляд и произносимое холодно:

— Я говорю по-английски и в вашей помощи не нуждаюсь.

Как правило, это говорили роскошные длинноногие девицы, чем-то неуловимо похожие на Милу. Они не хотели быть русскими в этом курортном раю, они хотели быть иностранками, отдыхающими в международном отеле и свободно пользующимися международным английским языком. Как немцы, англичане, датчане, итальянцы и австра-

лийцы, которые в сентябре — октябре понаехали в Кемер.

Предложений «поправить материальное положение» кроватно-постельным способом было много, но Люба не смогла себя переломить, хотя случались минуты, когда она всерьез пыталась это сделать. Уговаривала себя, убеждала, что это вынужденная мера, а не блядство, но при мысли о том, что будет делать с ней потный волосатый турок с масляными глазками и кривыми ногами, к горлу подкатывала тошнота. Ну почему к ней пристают именно такие? Ведь есть же красивые молодые турецкие парни, высокие, стройные, с мускулистыми ногами и огромными сияющими глазами в обрамлении невероятной длины ресниц. Если бы ее материальное благополучие было поставлено в зависимость от такого вот красавца, ей легче было бы уговорить себя и уступить. Все-таки не очень противно, можно перетерпеть.

Но за месяцы, проведенные в Турции, Люба быстро поняла, что для молодых красавцев она интереса не представляет. Молодые красивые турецкие мальчики специализируются на дамочках средних лет и старше, желательно состоятельных и с неутоленным сексуальным голодом. Дамочки ищут здесь плотских утех вдали от скучных мужей и надоевших любовников (если таковые вообще у них имеются) и готовы за это хорошо платить, а юные турецкие аполлоны-жиголо готовы пойти им навстречу и неплохо подзаработать. Такие же, как Люба, светловолосые молодые славянки, представляют интерес только для мужчин постарше, которые сами уже лишились внешней привлекательности, но зато готовы платить за удовольствие.

Так и тянулись дни. С полудня до полуночи — «Добрый день, загляните в наш ресторан, в нашем

меню всегда свежая рыба, креветки, омары, другие морепродукты, кебаб... Простите. Всего доброго. Надеюсь, вы все-таки к нам зайдете...» Голос просительный, жалкий, униженный, и сама она жалкая и униженная, а мимо проходят сияющие счастьем и здоровьем соотечественники, и самое большее, на что они способны, это удостоить Любу таким же взглядом, каким смотрят на бездомную собаку, которую, конечно, жалко, но никому в голову не придет взять к себе домой. Жара, духота, зной, отдыхающие ходят в купальниках или в крайнем случае в майках и шортах, а она должна целый день быть «при параде», в юбке и блузке, в босоножках на каблуках, которые безжалостно натирают распухающие от жары ноги. От запахов, доносящихся с кухни, кружится голова, потому что Люба постоянно голодна. Но разве можно сказать об этом хозяину? Он, конечно, начнет кормить ее лучше, но ведь за ее же счет. Будет отчислять не по пятнадцать долларов, а по двадцать. Зазвать в ресторан двадцать человек — это только на пропитание. Нет уж, лучше потерпеть. В полночь «Дюпон» закрывался, и Люба плелась туда, где снимала угол. Это был именно угол, а не целая комната. Четыре девушки — три студентки-турчанки и она сама — ютились в тесной конуре без кондиционера и с единственным крошечным окошком где-то под потолком. Дышать нечем, все тело покрыто липким потом, и задремать удастся только ближе к рассвету, когда становится чуть прохладнее. В семь утра студентки вставали — их рабочий день начинался в девять, и хотя идти было недалеко, собираться они начинали заранее. В доме был только один туалет, совмещенный с душем, и пользовались им все обитатели — без малого человек пятнадцать, включая и хозяев. Чтобы умыться, прихо-

дилось стоять в очереди. После ухода студенток спать уже было невозможно, дом наполнялся головами проснувшихся детишек, да и жарко становилось. К двенадцати — снова на работу. И до полуночи.

Вот, собственно, и все...

* * *

Еще там, в красивом нарядном Кемере, Люба дала себе слово никому не рассказывать подробно о своей жизни в Турции, чтобы снова не чувствовать себя униженной и обманутой и не вызывать в собеседнике жалость. Однако сейчас, рассказывая свою горестную эпопею Ларисе Томчак, она не чувствовала ни обиды, ни унижения. Только безразличие. Словно все это было не с ней, и она просто пересказывает чью-то историю, прочитанную в книжке или услышанную от случайного попутчика. Лариса слушала внимательно, не перебивала. И только в самом конце спросила:

— И ты это так оставишь?

— Что — это? — устало сказала Люба.

— То, что сделали твоя подруга и твой друг. То, что она тебя предала и бросила одну, без денег в чужой стране. То, что она сошлась со Стрельниковым. То, что Стрельников предал тебя. Неужели ты готова их простить?

— Не знаю, Лара. Я пока ничего не знаю, кроме того, что я страшно устала и что мне некуда идти. Я не могу явиться домой без денег и без подарков. Эту проблему я должна решить в первую очередь.

— Решим, — пообещала Лариса. — И деньги найдем, и шмотки, и сувениры. Я обзвоню знакомых, сейчас все поголовно отдыхают в Турции, наверняка у кого-то остались нераздаренные сувени-

ры и непристроенные покупки. Поживешь пока у нас.

— А Слава? Я вам не помешаю?

— Слава живет на даче и в ближайшее время не вернется.

— Почему? У вас конфликт?

— Да нет, — махнула рукой Лариса, — у него душевный кризис. Мой Томчак остался без работы. Переживает, страдает. В такие периоды он любит побыть один.

— Как без работы? Он ушел от Стрельникова?

— Это Стрельников твой ненаглядный ушел от него. И от него, и от Гены Леонтьева. Бросил их, точно так же, как бросил тебя. Господи, — простонала Лариса, обхватив голову руками, — если бы ты только знала, Любочка, как я его ненавижу! Как я его ненавижу! Я его убить готова.

Глава 2

Домой Люба Сергиенко вернулась только через три недели после приезда из Турции. Все это время она прожила у Томчаков. Сердобольная Лариса полностью вошла в ее положение и заявила, что в таком виде показываться на глаза родителям действительно нельзя. Люба, конечно, смотрела на себя в зеркало каждый день на протяжении всех месяцев, проведенных за границей, но именно поэтому и не заметила тех разительных перемен, которые сразу бросались в глаза тем, кто не видел ее все это время. Глаза ввалились и потускнели, и в них появилось выражение жалкое и просительное. Щеки запали, цвет лица оставлял желать много лучшего. И если отсутствие загара можно было объяснить ежедневным пребыванием в офисе и работой без выходных, то изможденное недоеданием

и недосыпанием лицо нельзя было объяснить ничем. А уж этот затравленный взгляд...

Лариса велела Любе спать как можно больше, кормила ее на убой, заставляла пить витамины, а сама тем временем моталась по знакомым, выпрашивая у них привезенные из Турции шмотки и сувениры. С деньгами проблем не было, у Ларисы их было немного, но вполне достаточно, чтобы замазать глаза Любиным родителям.

— Отдашь, когда сможешь, — решительно заявила она, протягивая Любе конверт с тремя тысячами долларов. — Это не к спеху. Деньги мои личные, Томчак о них ничего не знает. Экономила на всякий случай, вот и пригодилось.

— А как же вы? — виновато спросила Люба. — Ты сказала, Слава сидит без работы. На что же вы жить будете?

— На то, что заработали за последние годы. Твой Стрельников тот еще жук, и сам денег нагреб, и нам еще осталось. Ты пойми, трагедия Славкина не в том, что он остался без работы и нам теперь жить не на что, а в том, что Стрельников его кинул. Сорвал с хорошего места, потащил с собой, потом, когда уходил в Фонд, снова его с собой позвал, а теперь Славка ему не нужен. И с Геной Леонтьевым такая же история. Если бы они оба в свое время за Стрельниковым не пошли, сейчас заведовали бы кафедрами или лабораториями, а то и проректорами бы уже стали. А теперь кому они нужны? Наука, Любочка, страшная вещь, страшнее женщины, она измен не прощает. К брошенной бабе можно вернуться, если поплакаться как следует и разжалобить ее, а науке твои слезы и покаянное битье себя в грудь не нужны. Она на месте не стоит, развивается, и если ты хотя бы год ею не занимался, — все, ты безнадежно отстал. Новые

открытия, новые направления, новые идеи. Не догнать. То есть догнать-то можно, если захотеть, но пока не догонишь, ты никому не нужен, ни в одно приличное место тебя не возьмут. А пока будешь догонять, про тебя и вовсе забудут. Кто такой Томчак? Ах, тот, который пять лет назад монографию написал? Да, что-то припоминаю. А что он в последние годы делал, о чем писал, какое направление разрабатывал? Никакое? Тогда вообще о чем разговор. И все, привет горячий.

Ненависть Ларисы к Стрельникову была огромной. Бездонной. Безмерной. Но говорить об этом она могла только с Аней Леонтьевой и с Любой. Ни ее муж, ни муж Ани и слышать ничего не хотели. Для них Стрельников был фигурой неприкосновенной, и говорить о нем дурно было запрещено категорически.

— Почему Слава ему все прощает? — недоумевала Люба. — Неужели он не понимает того, что понимаешь ты?

— Да не хочет он понимать. Он влюблен в своего Стрельникова, как девица в жениха. Что бы этот изверг ни делал — все хорошо. Ума не приложу, чем он их с Генкой так приворожил...

...Когда Владимир Алексеевич Стрельников стал ректором института, он тут же начал собирать вокруг себя команду преданных единомышленников. Перед ним было два пути: убеждать людей, заражать их своими идеями реорганизации вуза и усовершенствования учебного процесса, добиваться понимания и согласия со своей позицией или просто пригласить верных друзей, которые будут плясать под его дудку и воплощать его идеи в жизнь. Друзья — они и есть друзья, они не подведут, на них можно переложить всю текущую работу, от них можно требовать беспрекословного подчине-

ния и выполнения указаний и быть уверенным, что все будет сделано как надо. Потому что друзья не подведут и не подставят. Второй путь был куда проще, и Стрельников пошел именно по нему. Вячеслав Томчак был в то время заведующим лабораторией в одном из профильных НИИ и считался весьма перспективным ученым, Геннадий Леонтьев руководил в другом вузе кафедрой психологии управления. Стрельников предложил Томчаку должность проректора по научной работе, а Леонтьеву — должность заместителя по кадрам. Даже не предложил, а попросил:

— Переходи ко мне. Ты мне нужен.

Эти слова были священными. Раз друг говорит, что нуждается в тебе, нуждается в твоей помощи, нельзя отказать. Даже если переходить очень не хочется. Томчак в тот период уже вплотную приступил к написанию докторской диссертации, но по первому же слову Стрельникова бросил науку и перешел к нему в институт. Правда, Стрельников что-то такое говорил насчет того, что, дескать, на этой должности будет возможность заняться докторской, и Томчак ему поверил, но уже через неделю понял, что к настоящей науке его должность и близко не лежала. Это была хлопотная суматошная административная работа, которая включала в себя не только контроль за ходом выполнения плана научно-исследовательской работы на кафедрах, но и организацию семинаров и конференций, обеспечение научного рецензирования, руководство работой аспирантуры института и множество других вещей, совершенно не интересных человеку, занимающемуся чистой наукой. Нехватка бумаги или поломка техники на участке оперативной полиграфии, где тиражируются подготовленные сотрудниками института научные и учебно-методические

работы, слишком большой конкурс в аспирантуру, необходимость раздобыть машины и привезти на заседание ученого совета строптивных старых профессоров, которые сказались немощными и поставили под угрозу срыва защиту чьей-то диссертации, выбивание из финансистов денег на приобретение книг для институтской библиотеки — всем этим пришлось заниматься несостоявшемуся доктору наук Вячеславу Томчаку. И это при том, что до прежней работы он успевал добираться за тридцать пять минут, а теперь тратил на дорогу по полтора часа в один конец.

Самым неприятным было то, что Стрельников, судя по всему, не собирался быть ректором до конца своих дней. Все его друзья знали, что дольше двух-трех лет он ни в одном кресле не высиживал. Ему становилось скучно, он рвался к новым просторам и новым вершинам, менял сферу деятельности, затевал новые дела. Томчак и Леонтьев, по прямому указанию ректора жестко закрутившие все гайки и нажившие себе в институте множество врагов, подспудно ждали того дня, когда их друг Володя уйдет из института. Они твердо знали, что после его ухода они здесь не останутся. Придет новый ректор и начнет избавляться от старой команды, как это сделал в свое время сам Стрельников.

Их прогноз сбылся. Не прошло и трех лет, как Стрельников задумал организовать Фонд поддержки и развития гуманитарного образования. К немалому облегчению своих друзей-заместителей, он позвал их с собой. Однако предусмотрительная Лариса Томчак уже тогда предупреждала мужа:

— Не делай этого, Слава, лучше вернись в науку, пока не стало слишком поздно. Трехлетний перерыв пока еще можно как-то наверстать, тем более

что ты сейчас на должности проректора по науке, а с этой должности вполне можно уйти заместителем директора какого-нибудь НИИ. Если ты потащишься за Стрельниковым в Фонд, это будет уже необратимо. Людей, уходящих с государственной службы в бизнес, обратно не берут, их там не любят. Максимум, на что ты сможешь рассчитывать после работы в Фонде, это старший научный сотрудник. Не высоко падать-то будет?

— Я нужен ему, — упрямо твердил Томчак. — Он меня попросил уйти вместе с ним.

С этим Лариса ничего не смогла поделать. И точно в таком же положении оказались супруги Леонтьевы. Анна умоляла мужа одуматься, пока не стало поздно, а тот, в свою очередь, произносил выспренные слова о мужской дружбе. Томчак и Леонтьев ушли из института вместе со Стрельниковым в придуманный и созданный им самим Фонд. И вот теперь, как выяснилось, Владимир Стрельников занял высокую должность в аппарате Госкомвуза, бросив своих верных товарищей на произвол судьбы. Оба они были совершенно не приспособлены к коммерческой деятельности, не любили ее и плохо понимали. Руководить Фондом без оборотистого, энергичного, предприимчивого Стрельникова они не могли. Более того, налаживая работу Фонда, они, как и несколько раньше в институте, проявляли по приказу своего шефа жесткость и требовательность к остальным сотрудникам. Даже в тех случаях, когда Владимир Алексеевич был совершенно очевидно не прав или несправедлив, они демонстрировали солидарность с ним перед сотрудниками, которые приходили искать у них защиты и понимания. Этого требовали законы корпоративности и мужской дружбы. После всего этого трудно было ожидать, что с уходом Стрельникова

все в Фонде останется по-прежнему. Недоброжелателей и врагов у Томчака и Леонтьева и здесь оказалось предостаточно, и все они взбодрились и подняли головы, с энтузиазмом выискивая возможность поквитаться с обидчиками.

Но все это было, так сказать, глобально. Это было тем фундаментом, на котором возвела свое здание злость и ненависть. Однако, кроме фундамента, необходимы и кирпичи. Их Стрельников поставлял Ларисе Томчак и Анне Леонтьевой бесперебойно.

У него была очаровательная привычка звонить часов около шести из машины и говорить своей секретарше:

— Наталья Семеновна, скажите Томчаку, чтобы не уходил. Он мне нужен. Я буду через двадцать минут.

И Томчак сидел в своем кабинете как привязанный. Через полчаса он звонил в приемную, недоумевая, почему Стрельников до сих пор его не вызвал, раз уж он ему так нужен. Наталья Семеновна отвечала:

— Владимир Алексеевич занят, у него посетители.

Томчак ждал. Каждые десять минут звонила Лариса, потому что они собирались куда-то идти: в гости, в театр, на банкет, и вообще у них были вполне определенные планы на этот вечер. В конце концов, она ждала мужа к ужину, без него за стол не садилась и хотела хоть какой-то определенности.

— Иди домой, — говорила Лариса. — Ничего не случится.

— Он просил, чтобы я не уходил. Я ему нужен.

Наконец в девятом часу распахивалась дверь и на пороге кабинета Томчака возникал Стрельни-

ков собственной персоной, невозможно красивый, в распахнутой дорожкой куртке и с сотовым телефоном в руках.

— Собирайся, пошли по домам, — говорил он как ни в чем не бывало.

— Ты хотел о чем-то поговорить со мной? — робко напоминал Томчак.

— Завтра поговорим. Мне пришла в голову одна идея, завтра расскажу.

Ему ни разу не пришло в голову предложить Томчаку, добросовестно отпускавшему водителя служебной машины ровно в шесть часов, подвезти его на своей машине, коль уж тот так сильно задержался в институте по его же просьбе. А о том, чтобы извиниться, даже и речи быть не могло. Но так происходило далеко не всегда. Случалось, что взбесившийся от бесцельного ожидания Томчак сам шел в кабинет к ректору и с удивлением обнаруживал запертую дверь. Стрельников уже ушел, даже и не вспомнив о том, что «привязал» своего заместителя к месту просьбой дожидаться его.

Он распоряжался своими заместителями как собственными рабами, совершенно не думая о том, что у них есть какие-то планы, нужды и вообще жизнь. И при этом мастерски избегал возможных объяснений по этому поводу. Мог, например, в четверть десятого утра позвонить неизвестно откуда (в том числе, из теплой постели) секретарю Наталье Семеновне со словами:

— Скажите Леонтьеву, что он должен быть в десять часов в министерстве на совещании. Если его нет на месте, пошлите Томчака. Я буду после часа.

О необходимости присутствовать на совещании в министерстве было известно за три дня, но, проснувшись поутру, Стрельников вдруг понимал, что ехать туда ему смертельно неохота. Хорошо, что на

свете существуют заместители, которых можно послать на совещание вместо себя. И хорошо, что существуют секретари, которым можно поручить передать указание начальника. Ведь если он сам будет звонить своим замам, то велика вероятность услышать, что они не могут ждать его или ехать на совещание по каким-то очень уважительным причинам, с которыми Стрельников как человек нормальный просто не сможет не считаться. А секретарю они эти причины объяснять не будут, потому что не может же секретарь отменить приказ ректора. И его совершенно не интересовало, сколько заранее назначенных деловых встреч и телефонных переговоров было сорвано при этом. Ибо значение имели только ЕГО встречи и ЕГО переговоры.

Он даже не подозревал, сколько домашних скандалов разгоралось по его вине и сколько нервов было истрепано женам и детям своих друзей-заместителей. Два таких скандала были особенно показательными, так как испортили настроение надолго и, соответственно, надолго запомнились. Первый из них случился в семье Леонтьевых. Двенадцатилетняя дочка Леонтьевых Алиса лежала в больнице, ей сделали полостную операцию и через три дня должны были выписывать. Вообще-то полагалось бы продержат ее как минимум неделю, до снятия швов, но очередь на госпитализацию была огромная, и детишек старались выпихнуть домой как можно раньше, если родители не возражали. Геннадий Леонтьев предупредил секретаря, что утром должен забирать дочку из больницы и до обеда его в институте не будет, и договорился с водителем своей служебной машины, что тот заедет в половине десятого за ним и Анной. В половине десятого машина к дому не приехала. Сначала родители не особенно волновались, полагая, что маши-

на, вероятно, застряла где-то в пробке и с минуты на минуту подъедет. Однако в десять ее все еще не было. Геннадий поднялся в квартиру и позвонил в институт. То, что он услышал, его ошарашило. Оказалось, что Владимир Алексеевич утром потребовал его машину для себя, потому что его личная машина сломалась, а на служебной он отправил Любу встречать в аэропорту какую-то не то родственницу, не то подружку. Стрельникову даже в голову не пришло сначала позвонить самому Леонтьеву и спросить, не нужна ли ему машина. Главным было то, что машина была нужна самому Стрельникову, а остальное не имело ровно никакого значения.

Геннадий запаниковал. Его предупредили, что к десяти часам Алиса будет выписана, и просили не опаздывать, чтобы девочка не ждала в холле больницы. Дождаться, пока за ней приедут родители, в отделении не собирались, ровно в десять из приемного покоя поступят новые больные, такой заведен порядок, и Алисина койка понадобится для другого ребенка. Геннадий поймал частного, который за безумные деньги согласился поехать на другой конец Москвы в больницу и привезти их обратно вместе с Алисой. Всю дорогу до больницы Анна напряженно молчала, но Геннадий понимал, что думают они об одном и том же: маленькая девочка с разрезанным животом и нестерпимо болящим швом одиноко сидит в холле и не понимает, почему мама и папа за ней не приезжают. Водитель выбрал не самый удачный путь, ухитрившись попасть во все заторы, которые только можно было отыскать в этот час в столице, кроме того, выяснилось, что он не рассчитывал на такой длинный маршрут, и ему нужно подъехать на заправку. В больнице Леонтьевы оказались только в первом часу

дня. Алиса, бледная и дрожащая, сидела на стульчике, судорожно прижимая к груди пакет со своими вещами, и по ее щекам градом катились слезы. Увидев бегущих к ней родителей, она разрыдалась, трясясь всем телом, и громко плакала всю обратную дорогу, успокоившись только тогда, когда оказалась в своей комнате и поняла, что кошмар действительно кончился. Ей было очень больно сидеть на этом проклятом неудобном стуле, потому что шов был еще совсем свежий. И очень страшно, что родители забыли за ней приехать и ей придется тут сидеть до завтрашнего дня. После операции девочка была слабенькой, и пережитое волнение вылилось в самый настоящий нервный стресс. Она отказывалась от еды и все время принималась плакать. Анна не выдержала и впервые за долгое время решила высказать мужу все, что думает о его любви к своему другу-начальнику.

— Он же в грош тебя не ставит, он плевать на тебя хотел, он тебя с дерьмом смешивает, а ты только благодарно улыбаешься и задницу ему лижешь! Неужели тебе самому не противно? Ну есть у тебя хоть капля гордости или нет? Где твое самолюбие? Почему ты позволяешь ему так с собой обращаться?

Геннадий пытался объяснить жене, что нельзя сердиться на Стрельникова за то, что тот думает только об интересах дела и забывает о личном.

— Володя — мой друг, и я уверен, что он уважает меня так же, как и я его. Если он взял мою машину, значит, ему действительно было очень нужно, иначе он не сделал бы этого.

— А тебе, выходит, не нужно? — взвилась Анна. — Больной ребенок после операции сидит в холдном холле и умирает от страха и боли — на это можно наплевать? Да если бы это был его ребенок,

он бы две институтские машины взял, чтобы поехать в больницу. На одной бы сам ехал, вторая бы следом шла на всякий случай, вдруг первая сломается, так чтобы сразу пересесть и ехать дальше, не дай бог его ребенок лишнюю минуту прождет.

Ссора зашла слишком далеко, посыпались взаимные оскорбления, и в этом конфликте Леонтьевы увязли надолго.

Другой памятный скандал случился у Томчаков. К Ларисе обратилась ее давняя добрая приятельница, сын которой учился как раз в институте у Стрельникова. С сыном произошла неприятность, он попал в милицию вместе с двумя товарищами «за хулиганку». Собственно, хулиганил только один из них, сцепился с продавцом палатки, у которого не оказалось сдачи с крупной купюры, начал громко качать права, продавец не менее громко отвечал, оба схватили друг друга за грудки, а тут и милиция подоспела. Забрали всех троих, и уже в отделении оказалось, что все трое находятся в нетрезвом состоянии. В общем-то это было прощительно, у дебошира был день рождения, и ребята, естественно, его отмечали, причем были даже не сильно пьяны, а так, слегка выпивши. Но тест показал алкоголь, и факт нарушения общественного порядка в нетрезвом виде был налицо. В институт, где учился сын Ларисиной приятельницы и которым руководил ее муж, пришла бумага, и Стрельников, рьяно взявшийся за укрепление дисциплины среди студентов, велел подготовить приказ об отчислении парня. Ладно бы еще, если б это случилось в мае, тогда юноша успел бы, может быть, поступить в другой институт. Но случилось это в марте, и после отчисления его в весенний призыв заберут в армию. А вдруг в Чечню пошлют? Мать этого не переживет. Что угодно, только не отчис-

ление. Мера была излишне суровой, проступок был административным, а не уголовно наказуемым, таким же, по сути, как безбилетный проезд в транспорте или превышение скорости водителем автомашины. Месяца не проходило, чтобы на кого-нибудь из студентов не присылали подобную бумагу. Однако политика «закручивания гаек» требовала жестких мер, и сын Ларисиной подруги попал под пресс.

Лариса пообещала поговорить с мужем. Томчак отнесся с пониманием к беде женщины, которую тоже давно знал, и пошел к Стрельникову. Тот, как обычно, был очень занят, поэтому даже не дослушал своего заместителя по науке до конца.

— Хорошо, — кивнул он, набирая очередной номер телефона и готовясь к следующему разговору, — я дам указание, чтобы приказ переделали. Ограничимся строгим выговором.

Томчак вернулся в свой кабинет и тут же позвонил жене.

— Передай Галочке, что все в порядке. Парня не отчислят. Выговор, конечно, влепят, но это ерунда. Главное, в армию не загремит.

Тем же вечером счастливая мать явилась домой к Томчакам с шампанским и огромной коробкой конфет и долго благодарила Славу, глотая слезы и преданно глядя ему в глаза.

А на следующий день Томчаку принесли на визирование приказ об отчислении студента. У него в глазах потемнело.

— Оставьте мне приказ, — сказал он кадровику, с трудом сдерживаясь, что не заорать на него, — и принесите все материалы. Я должен быть уверен в том, что подписываю.

Он был уверен, что в отделе кадров, как всегда, все перепутали и принесли на визирование старый

вариант приказа, подготовленный еще вчера утром, до его разговора со Стрельниковым. Через десять минут у него на столе лежали материалы — копия протокола об административном правонарушении и официальное сообщение из милиции, на котором сверху стояла виза Стрельникова: «В приказ об отчислении». И дата. Не вчерашняя, а сегодняшняя.

Томчак рванулся в кабинет к ректору.

— Володя, ты что, забыл о нашем вчерашнем разговоре? Ты же мне обещал не отчислять мальчишку. Дай указание кадровикам переделать приказ.

— Он будет отчислен, — жестко сказал Стрельников. — Иначе мы никогда не наведем порядок в этом болоте. Ты же мой зам, ты должен это понимать так же отчетливо, как и я. Студенты распустились вконец, они пропускают занятия, некоторые вообще являются только на сессию, и управы на них никакой нет. Учатся кое-как, спустя рукава, стало быть, и знания выносят отсюда слабые. Институт потерял лицо, наши выпускники давно уже перестали считаться хорошими специалистами. Престиж вуза упал ниже некуда. А мы с тобой, Славка, должны этот престиж поднять на прежнюю высоту, и даже еще выше. Это наш с тобой институт, это наше с тобой лицо.

— Но я пообещал его матери, что все будет в порядке.

— Извинись перед ней и вали все на меня. Скажи, мол, это Стрельников такая сволочь, а ты сделал все, что мог. Давай лучше обсудим вот что...

Его ни капли не интересовала судьба несправедливо наказанного студента, сейчас его мысли были поглощены тем, чтобы провести на базе института межвузовскую конференцию, посвящен-

ную обменю опытом использования внебюджетных средств.

Идти домой в тот день Томчаку не хотелось. Он живо представлял себе, что скажет Лариса, и понимал, что она будет права. Но действительность превзошла все ожидания, даже самые худшие. С женой просто сделалась истерика. Она кричала почти час, вытирая слезы и то и дело принимаясь капать себе валокордин. В целом это были вариации на тему двух основных тезисов: как мы теперь будем смотреть в глаза несчастной матери и почему ты позволяешь Стрельникову так с собой обращаться, почему его просьбы для тебя закон, а твои просьбы ничего для него не значат, ты же человек, личность, ты его друг, а не дерьмо собачье.

Конфликты более мелкие случались довольно часто, благо поводы для них Владимир Алексеевич Стрельников давал постоянно. И Лариса Томчак, и Анна Леонтьева ненавидели его с каждым днем все сильнее, хотя так и не смогли понять, почему их мужа все это терпят и все прощают.

За три недели, проведенные Любой Сергиенко в доме у Томчаков, в ее уши были выплеснуты все годами накопившиеся обиды на ее бывшего любовника. Она слушала, холодея от ужаса. Неужели этот деспот, этот бесцеремонный хам — тот Володя Стрельников, которого она обожала и за которого хотела выйти замуж? С ней он был чудесным, веселым, заботливым, делал широкие жесты, дарил подарки и возил в интересные места, постоянно преподносил неожиданные сюрпризы. Она хорошо помнила ту поездку в аэропорт, когда Володя шикарным жестом дал ей служебную машину. И поездка-то была совсем необязательная, она никого не встречала, наоборот, ее подруга улетала в США, уезжала на три года работать по контракту.

Накануне, как водится, друзья и родственники собрались у нее, чтобы коллективно выпить и попрощаться, но ведь не на всю жизнь, она же не на постоянное жительство уезжает, да и в отпуск будет приезжать. О том, чтобы ехать на следующее утро в Шереметьево провожать ее, и речи не было, Люба была уверена, что провожать будет только муж. Однако за разговорами выяснилось, что приезд близких друзей в аэропорт в таких случаях считается хорошим тоном. Вроде так положено в приличном обществе. Люба, конечно же, считала себя принадлежащей к приличному обществу и решила, что тоже должна обязательно явиться завтра в Шереметьево. Вот и явилась. Разве она знала, какой ценой досталась Леонтьевым эта ее поездка на служебной машине?

Долгие месяцы, проведенные в Турции, Люба Сергиенко мечтала о том, как вернется в Москву, к Стрельникову, как будет любить его, как станет его женой. Ее поддерживала и согревала мысль о том, что после всех мучений она вернется в царство любви. Но оказалось, что вернулась она в царство ненависти. Лютой, жгучей, от которой судорогой сводит пальцы рук и перехватывает горло, слепой яростной ненависти.

* * *

Тяжелые сумки оттягивали руки, но Татьяна не злилась, напротив, ее даже радовала эта тяжесть. Обычно хозяйством занималась ее родственница, живущая вместе с ней сестра ее первого мужа, освобождая Татьяне время для основной работы и для хобби. Хобби у нее было занятым: Татьяна Образцова, старший следователь Санкт-Петербургского УВД, в свободное от работы время писа-

ла детективы под псевдонимом Татьяна Томилина. И хотя занималась она этим уже несколько лет, все равно никак не могла привыкнуть к тому, что газеты называют ее «русской Агатой Кристи», книги на прилавках не залеживаются, а сама она входит в пятерку лучших детективистов страны. Ей казалось, что все это к ней не относится, а если и относится, то все равно это не более чем милая шутка. Она была хорошим следователем и искренне считала свою работу главным в собственной жизни.

Татьяна несколько дней назад вернулась из отпуска, который проводила на юге со своим третьим мужем и его девятилетней дочкой Лилей. Муж жил в Москве, и оставшиеся до окончания отпуска две недели Татьяна решила провести вместе с ним в столице, варя ему борщи и жаря котлеты. Занятие это ей нравилось, тем более что Владислав, которого Татьяна называла Димой, был благодарным потребителем ее кулинарных шедевров, ел с завидным аппетитом и не уставал нахваливать приготовленные блюда. Конечно, в Питере она этим ни за что не станет заниматься, потому что, во-первых, некогда, а во-вторых, у нее есть замечательная родственница Ирочка Милованова, добровольно взявшая на себя все заботы по домашнему хозяйству во имя процветания отечественной детективной литературы. Но здесь, в Москве, ухаживать за мужем и стоять у плиты было приятно, тем паче голова ничем особенным не занята, и можно, разделывая мясо и нарезая овощи для салата, обдумывать сюжетные повороты новой повести.

В это время дня народу на Калужско-Рижской линии метро было немного, и в вагоне Татьяне удалось сесть в уголке, пристроив на полу объемистые сумки с покупками. Рядом с ней села молодая женщина, которая сразу же уткнулась в книжку. Татья-

на привычно скосила глаза на раскрытые страницы — ей всегда было интересно, какие книги люди читают в транспорте — и улыбнулась. Сидящая рядом пассажирка читала ее последнюю книгу, «Повернись и уйди». Такое иногда случалось, в городском транспорте Татьяне попадались люди, читающие ее книги, и каждый раз это почему-то невероятно волновало ее. Она начинала всматриваться в лица этих людей, стараясь угадать, сколько им лет, какой у них характер, чем они занимаются, нравится ли им то, что они читают, и вообще, почему они покупают ее книги. Татьяна даже заговаривала с продавцами книг, выясняя, кто по большей части покупает ее повести и романы. В целом категория ее читателей была примерно такой: все женщины, а мужчины — после сорока. Приверженцы классического психологического детектива с интеллектуальной загадкой и без чернухи. Люди, чей вкус сформировался под влиянием Агаты Кристи, Жоржа Сименона и братьев Вайнеров. Однажды Татьяне позвонил очень известный писатель, один из мэтров отечественного детектива, чтобы выразить ей свое восхищение. Представившись, он осторожно добавил:

— ... если это имя вам что-нибудь говорит.

— Господи! — изумленно воскликнула она. — Да я же выросла на ваших книгах!

— Что ж, вы хорошо росли и выросли в хорошего писателя, — с улыбкой ответил ей классик.

Комплимент был для нее особенно ценен, потому что именно на этого писателя она равнялась, считая его книги эталоном жанра.

Татьяна исподтишка разглядывала сидящую справа женщину. Молодая, очень красивая, кожа покрыта ровным светло-кофейным загаром. Самой Татьяне никогда не удавалось так загореть,

кожа у нее была молочно-белой и моментально сгорала, так что на юге приходилось большей частью сидеть в тени, выползая под солнечные лучи только рано утром и ближе к закату. На читательнице был шелковый светло-зеленый костюм, красиво сочетавшийся с загорелой кожей и многочисленными золотыми украшениями. Длинные ногти, покрытые ярким лаком, выглядели несколько вульгарно, но в целом красавица была очень эффектна. «Интересно, — подумала Татьяна, — что может привлекать такую девушку в моих книжках?»

Девушка читала увлеченно, а Татьяна заглядывала в текст, пытаясь представить, какое впечатление производит на нее тот или иной абзац. Ну надо же, читает ее книгу и даже не подозревает, что автор сидит рядом с ней, даже их локти соприкасаются. Такие мгновения всегда будоражили Татьяну Образцову.

Наконец читательница собралась выходить. Она закрыла книгу и еще некоторое время сидела, держа ее на коленях и задумчиво глядя куда-то в пространство. Теперь прямо на Татьяну смотрела ее собственная фотография, помещенная на обложке. Фотография была удачной и даже нравилась самой Татьяне, хотя вообще такое случалось крайне редко. Несмотря на привлекательную внешность, она была на удивление нефотогенична и на снимках обычно получалась плохо. Милое округлое лицо выглядело оплывшим и опухшим, словно с перепоя, а глаза почему-то делались маленькими, поросычьими. Что поделать, камера любит не всех. «Любопытно, что будет, если девушка сейчас повернет голову и увидит меня? А потом бросит взгляд на обложку. Может получиться ужасно смешно».

Но девушка к Татьяне не повернулась. Она спокойно убрала книгу в сумочку и, когда поезд оста-

новился у платформы, вышла из вагона. Сначала она показалась Татьяне высокой, но потом стало понятно, что у нее просто очень высокие каблуки.

Проводив ее глазами, Татьяна снова вернулась мыслями к своей новой повести. Примерно первая треть была уже придумана и выстроена по эпизодам, но это всегда было самой легкой частью работы. Начало писать нетрудно, придумывая в полное свое удовольствие, а вот после двух третей начинается самая морока. Все должно быть увязано, ни одна сюжетная линия не должна обрываться без каких-либо объяснений, судьба каждого персонажа должна быть так или иначе обозначена. И конечно же, в последней трети текста предстояло решать самый главный вопрос: хороший будет конец или плохой? Всех преступников разоблачат и накажут или не всех? Или вообще ни одного, а милиция останется с носом? Может, для трагизма убить кого-нибудь из «хороших», например, при задержании? А для равновесия и общей справедливости можно и кого-нибудь из «плохих» уложить рядышком. Но если сделать так, то не будет ли перебора по части трупов? Все-таки обилие убитых — признак дурного вкуса, но и когда их мало, тоже не годится. Очень трудно найти и точно соблюсти ту грань, которая разделяет психологический триллер и боевик. Так чем же закончить книгу? Какой нарисовать конец? Татьяна никогда не знала этого с самого начала. Большой опыт следственной работы говорил о том, что абсолютной победы почти никогда не бывает. Но есть ведь и законы жанра... Одним словом, вопрос о концовке произведения был для нее самым мучительным.

Погруженная в размышления, она не заметила, как добралась до квартиры в Черемушках. Мужа, естественно, дома еще не было, он явится не рань-

ше восьми. Не успела Татьяна снять куртку и туфли, как зазвонил телефон.

— Татьяна Григорьевна? — раздался в трубке ледяной голос, принадлежащий первой жене Владислава Стасова Маргарите.

— Да, — вздохнула Таня, — я вас слушаю, Маргарита Владимировна.

— Я договаривалась со Стасовым, что он сегодня возьмет Лилию дней на пять, мне нужно ехать на кинофестиваль в Прагу.

— Раз вы договаривались, значит, возьмет. Не беспокойтесь, Маргарита Владимировна.

— Но мне через полчаса нужно выезжать в аэропорт, — возмутилась Маргарита, — а Лиля до сих пор дома. Что ваш муж себе думает?

— Маргарита Владимировна, Лиля — большая девочка и вполне может побыть дома одна часов до восьми. Вечером Стасов ее заберет.

— Ну уж нет! — внезапно взорвалась бывшая жена. — Я должна быть уверена, что с моим ребенком все в порядке. Я хочу передать ее отцу с рук на руки и улететь со спокойным сердцем.

— Ничем не могу вам помочь, — хладнокровно отозвалась Татьяна. — Если через полчаса вы должны уезжать, то вам придется оставить Лилию одну. За полчаса я не смогу найти для вас Стасова и доставить к вам в Сокольники. Это нереально.

— Ну ладно, — сдалась Маргарита, обожавшая поскандалить и повыяснять отношения, но быстро теряющая запал и все-таки рано или поздно прислушивающаяся к голосу разума. — Я поеду пораньше и по дороге в аэропорт сама завезу к вам Лилию. Надеюсь, вас-то я дома застаю?

— Застанете, — пообещала Татьяна, — я никуда не уйду.

Разговоры с первой женой своего третьего мужа

невероятно развлекали ее. Красавица Маргарита с роскошным стройным телом и потрясающими ногами, знаменитыми на всю киношную общественность, никак не могла взять в толк, что нашел ее супруг в рано располневшей грузной Татьяне, в разговорах со Стасовым презрительно называла ее «коровой с пороссячьими глазками» и всячески демонстрировала недоумение по поводу странного выбора Владислава, у которого, по ее представлениям, должен быть совсем другой вкус. К тому моменту, когда Стасов познакомился с Татьяной, он был в разводе с Маргаритой уже три года, но это вовсе не означало, что бывшая жена перестала лезть в жизнь бывшего мужа.

Разумеется, бывшая жена новую жену люто ненавидела, хотя поводов для этого не было никаких. У Риты был любовник, с которым она разъезжала по международным кинофестивалям, сходиться со Стасовым снова она и не думала, так что Татьяна вроде бы ничего у нее не отняла и не украла. Но сам факт, что после нее, признанной красавицы, вращающейся в самых элитных кругах киношной богемы, Стасов посмел выбрать себе «вот это», возмутил Маргариту Мезенцеву, в замужестве Стасову, до глубины души. И даже тот факт, что жениться на самой Маргарите после развода охотников не нашлось, а Таня, которая была на три года моложе ее, выходила замуж уже в третий раз, иными словами, пользовалась, что называется, повышенным спросом, так вот, даже этот факт Риту не вразумил и не заставил задуматься.

Если им приходилось общаться, дамы соблюдали парламентскую вежливость, называя друг друга не иначе как по имени-отчеству, при этом одна источала яд и презрение, а другая откровенно забавлялась. Сейчас Татьяне Образцовой было тридцать

пять, и тринадцать лет следственной работы давно уже приучили ее не реагировать на эмоции собеседника. Иные подследственные обливали ее таким ядом и презрением, что рядом с ними выпады Маргариты выглядели не более чем выступлением пятилетнего ребенка на детсадовском утреннике по сравнению, например, с игрой Михаила Ульянова в шекспировском «Ричарде III».

Минут через сорок раздался звонок в дверь. Рита, не переступая порог квартиры, впихнула в прихожую девятилетнюю Лилю и буквально зашвырнула следом сумку с ее вещами. Чмокнув девочку в лобик и велев ей слушаться папу, она шагнула в лифт и исчезла.

— Как дела в школе? — поинтересовалась Татьяна, с улыбкой наблюдая, как девчужка старательно расшнуровывает высокие ботинки.

— Как обычно. Две пятерки, по арифметике и по русскому. Тетя Таня, а что у нас сегодня на ужин?

— Еще не знаю. Продуктов много, надо решить, что из них готовить. А у тебя есть предложения?

— Сделайте, пожалуйста, картофельные пирожки с мясом, — попросила Лиля. — Я их ужасно люблю, а мама не умеет их делать.

— Можно, — согласилась Татьяна. — Папа тоже их любит. Хотя нам с тобой, Лилечка, не надо было бы этим увлекаться. При наших фигурах мясо с картошкой — далеко не самое лучшее.

Лиля была крупной девочкой, ростом пошла в двухметрового Стасова, а лишний вес появился у нее в раннем детстве как следствие неумеренного потребления бутербродов с белым хлебом и сырокопченой колбасой, а также конфет и пирожных. Как ни смешно, но внешне Лиля была куда больше похожа на Татьяну, чем на родных маму и папу.

— Да ладно, тетя Таня, один разочек-то можно.

— Ну если только разочек, — сдалась Татьяна.

Она отправилась на кухню, оставив Лилю в комнате с книжкой в руках. Если под рукой была библиотека, девочку можно было оставлять одну на сколь угодно долгое время, она не скучала и не требовала к себе внимания, лишь бы было что почитать. Места в однокомнатной квартире Стасова было маловато, зато библиотека огромная.

Когда мясо было уже приготовлено и Татьяна начала прокручивать через мясорубку сырой картофель, в кухне возникла Лиля.

— Тетя Таня, а может, вам лучше отправить меня к тете Ире в Петербург?

— С чего это?

— Чтобы я вам тут не мешала.

— Ты нам не мешаешь, — улыбнулась Татьяна. — Откуда эти странные мысли? Нам вдвоем всегда было хорошо, разве нет? Или тебя что-то не устраивает? Тебе, наверное, больше нравится, как Ира готовит. Ну-ка признавайся! Ты надеешься на то, что она будет каждый день печь для тебя пирожки с капустой, да?

— Дети не должны спать в одной комнате со взрослыми, — очень серьезно изрекла Лиля.

— Интересная мысль, — так же серьезно кивнула Татьяна, которая давно уже привыкла к неожиданным высказываниям падчерицы. — И откуда же ты ее выкопала?

— Не смейтесь, тетя Таня, вы сами знаете, что это правда. Вы с папой — муж и жена и должны спать отдельно, а не в одной комнате со мной.

— Но на юге мы же прекрасно спали в одной комнате.

— Это было неправильно, — упрямо возразила девочка.

У Татьяны запылали щеки, но она тут же одернула себя. Нет, им со Стасовым не в чем себя упрекнуть. За год, что они женаты, им неоднократно приходилось спать в одной комнате с Лилей, но они никогда ничего себе в этой ситуации не позволяли, находили другие возможности. Да и потом, им ведь не по двадцать лет, ей самой — тридцать пять, Владиславу — тридцать девять, так что шило в одном месте не свербит и вынужденное воздержание дается без труда. Откуда же такие мысли в голове у ребенка?

— Так, Лиля, — строго сказала она, — признавайся, что ты сейчас читаешь?

— «Замок Броуди» Кронины. Вы не думайте, тетя Таня, я там все понимаю. Папа сказал, что мне можно.

— Ну, раз папа сказал, тогда конечно. Только имей в виду, что нельзя равнять книжки и настоящую жизнь, понимаешь? Мы с папой тебя очень любим и всегда радуемся, когда нам удастся побыть всем вместе. А все остальное просто выкинь из головы. И не смей никогда думать, что ты можешь нам помешать. Когда люди любят друг друга, они не могут мешать. Усвоила? А если ты скучаешь по Ирочке и хочешь побывать в Питере, то мы это и так устроим. Ты можешь приехать к нам во время каникул, например, в ноябре. Кстати, как тебе нравится Кронин?

— Нравится, — уклончиво ответила Лиля. — Но вы пишете лучше. Я вас больше всех писателей люблю.

Татьяна не выдержала и расхохоталась.

— Лилька, ты меня уморишь когда-нибудь своими оценками! Где Кронин, и где — я? Разные эпохи, разные страны, разная тематика, да разные жанры, наконец. Разве можно нас сравнивать? Уве-

ряю тебя, если бы я взялась написать роман о семье, где деспотичный отец калечит жизни своим дочерям в угоду собственному честолюбию, у меня получилось бы намного хуже, чем у Кронина. Можешь мне поверить.

Разговаривая, Татьяна продолжала прокручивать сырой картофель, попутно помешивая фарш на сковородке. Почти все сделано, осталось совсем немного. Когда придет Стасов, нужно будет только быстренько слепить пирожки и бросить их в кипящую воду. Пока он будет мыть руки и есть грибной суп, как раз все и поспеет.

Стасов явился почти в девять, огромный, зеленоглазый и веселый. Он уже знал, что дома его ждет дочь, поэтому по дороге с работы купил специально для нее сырокопченую колбасу, которую Лиля обожала больше всех лакомств на свете. Он горячо нахваливал грибной суп, шумно радовался картофельным пирожкам и со смехом рассказывал о том, как разговорился с продавщицей книжного лотка, расположенного в том магазине, куда он заскочил за колбасой для дочери.

— У нее на прилавке четыре твоих книжки лежат. Я делаю умное лицо и спрашиваю, дескать, как Томилина расходится. Она мне отвечает, что раскупается очень хорошо, и она сама твоя поклонница, и все ее знакомые, но у них есть к тебе претензии. Я, конечно, поинтересовался, какие именно. Продавщица в ответ спрашивает, а с чего это я так интересуюсь? Пришлось сказать, что я твой литературный агент.

— А почему не муж? — удивилась Татьяна. — Продавщица была молодая и красивая и ты решил построить ей глазки и скрыть свое женатое положение?

— Глупая ты. Мужу про жену воспитанные лю-